

А

В. Ф. Ходасевич

О Есенине

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922--1939. -- М.: Согласие, 1996.

[OCR Бычков М. Н.](#)

На днях исполнилось десять лет со дня смерти Есенина. Мне случалось уже не раз писать о нем, в том числе -- на страницах "Возрождения", и признаюсь -- могу лишь очень немного прибавить к тому, что ранее было мной высказано об этом поэте, блудном сыне России, имевшем великое мужество заплатить жизнью за свое обольщение большевицкой революцией. На этот раз я позволю себе лишь в общих чертах, вполне схематически, наметить тот внутренний параллелизм, который наблюдается в развитии есенинской поэтики и в истории его жизни.

Сам Есенин, незадолго до смерти, сказал кому-то, что его поэзию невозможно делить ни на какие периоды, что она постепенно и планомерно, без резких переходов, развивалась с начала до конца.

Однако в действительности это было не так. С есенинским заявлением мы можем не согласиться, потому что художнику не в пример легче быть судьей, нежели историком собственного своего творчества. Этапы этой истории в большинстве случаев для него нечувствительны, как нечувствительны для всех нас смены возрастов.

Конечно, не было такого случая, чтоб Есенин лег спать человеком одной поэтической школы, а проснувшись -- уже принадлежал к другой. Но так и вообще никогда с настоящими поэтами не бывает. Поэтическому ничтожеству, какому-нибудь вечному подражателю легко сегодня писать под Бальмонта, завтра под Блока, а послезавтра под Маяковского. Собственного лица у него нет, он только меняет личины -- при известном навыке и умении это дело нехитрое. Подлинный поэт связан со своим стилем органически, всем существом своим, и перемены в нем совершаются не вдруг, а постепенно, как постепенно меняются ткани в живом организме, который сам перемены этой не ощущает. Внезапное перерождение поэта невозможно. Оно должно сопровождаться таким внутренним потрясением, которое тотчас скажется полным психическим распадом -- безумием.

Тем не менее перемены, в конечном счете порой чрезвычайно глубокие, совершаются, хотя и не сразу. Происходящий процесс вполне явственно обнаруживается только из сличения настоящего с прошлым, более или менее отдаленным. Развитие то замедляется, то ускоряется; внезапных и слишком резких скачков в нем не может быть, но все же, с известной приблизительностью, те условные линии, которыми отграничиваются периоды единого поэтического творчества, мы можем приурочивать к тем или иным моментам.

В отношении приемов письма поэзию Есенина основным образом можно разделить на три периода. Первый из них характеризуется тяготением к народно-песенному стилю, воспринятому отчасти через литературные влияния таких поэтов, как Некрасов, Никитин, а в особенности Суриков и Кольцов. Второй период -- футуристско-имажинистский. В третьем периоде наметился поворот к русской классической традиции. Сопоставляя хронологически эти литературные периоды с основными периодами его биографии, мы тотчас убеждаемся, что чисто стихотворческие тенденции Есенина изменяются параллельно и одновременно с тем, как совершаются важнейшие перемены в его жизни. Его душевная и жизненная драма тотчас отражается в приемах письма, и, таким образом, есенинский стиль оказывается чутким и верным барометром внутренней жизни. Стрелка этого барометра колеблется не случайными, внешними влияниями литературных мод, но под давлением душевной необходимости, чем объективно устанавливается в Есенине та правдивость творчества, та честность художника перед самим собой, без которой никакое подлинное творчество неосуществимо.

Сказанному вовсе не противоречит то обстоятельство, что Есенин никогда не искал личных, только ему свойственных, вполне обособленных путей для своей поэзии. Опять-таки, как всякий подлинный художник, он отнюдь не стремился быть новатором во что бы то ни стало, и лавры поэтического революционера его не прельщали. У него хватало литературной и человеческой правдивости на то, чтобы не стараться вполне обособиться стилистически. Сохраняя свою творческую личность, он в то же время весьма готов был пользоваться приемами и навыками, отнюдь не им созданными, и такую готовность сохранил во все эпохи своего творчества. Быть может, в чисто формальную историю русской поэзии он внес "своего" слишком мало или не внес почти ничего, потому

А